

История в эго-документах: Исследования и источники /

Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. 368 с.

Увидевший свет в 2014 году сборник статей и документов – плод коллективного творчества ученых – представителей как академической, так и вузовской гуманитарной науки (преимущественно исторической). Рукопись научного издания перед выходом в свет отрецензирована докторами исторических наук И.В. Побережниковым и Г.А. Янковской. Работа адресуется историкам, филологам, социологам, культурологам и другим гуманитариям, всем тем, кто интересуется историей, источниковедением и методами современных исследований.

На страницах данного рецензируемого научного издания анализируются проблемы, вызванные недавним появлением в словаре гуманитариев в целом и историков в частности, так называемой *эго-терминологии*. Исследователи не просто показали перспективы ее дальнейшего использования, но и актуализировали целый ряд вопросов, связанных с идентификацией *эго-источников*, выявлением их когнитивного потенциала, общенациональных возможностей, коммуникативного эффекта, а также многие другие. При этом необходимо подчеркнуть, что авторы статей, вошедших в сборник, проявили научную скромность, обозначив суть рецензируемого коллективного исследовательского труда следующим тезисом: на суд научной общественности выносятся лишь материал, классифицируемый в качестве только одной из попыток определения места эго-текстов в системе других свидетельств прошлого и пространстве тех или иных исследований. Ученые не считают, что выдали окончательные ответы на поставленные вопросы. Следовательно, возможно продолжение как теоретической рефлексии, так и конкретно ориентированных изысканий в русле эго-проблематики.

Тон всей рецензируемой книге задает материал ее главного редактора, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника, руководителя Группы истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН *Н.В. Суржиковой*. Он носит симптоматичное название «Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия)». Автор, констатируя известную истину, что термин «эго-документ» является изобретением западных специалистов, раскрывает те причины, которые способствовали рождению неологизма, указанного выше. Главное, по суждению ученого, состоит в том, что здесь мы имеем дело со следствием изменения историографической ситуации, а именно – очевидный дрейф исследовательского интереса историка

от изучения событий к изучению состояний. Именно в рамках подобного дрейфа актуализировались такие проблемы, как этничность, религиозность, идентичность, гендер, имагологические исследования, история эмоций, исследования памяти и другие изыскания, маркирующие те или иные проявления индивидуальности и коллективности. В изучении данных проблем источники, характеризующиеся неперенным присутствием «Я» и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущение, стали просто незаменимыми, заполнив лакуны официоза и обретя ту самую самость, которая позволила повысить их статус среди прочих свидетельств прошлого. Еще одна причина, которая способствовала рождению неологизма, указанного выше, – изменившееся отношение к документальности, проявившееся в снижении авторитета официальных документов, а с ними и авторитета государственных архивов, заточенных прежде всего на сохранение официальной истории. Благодаря этому обстоятельству эго-терминологии, которая, как известно, разнообразна и кроме «материнского» понятия включает еще и такие, как «само-свидетельство», «авто-текст», «я-документ», «жизнеописание», «исповедальный текст» и пр., стали выдвигается в число приоритетных.

Н.В. Суржикова полагает, что возникновение термина «эго-документ» на Западе стало не чем иным, как сигналом обновления тематических, источниковых и концептуальных рамок исторических исследований, с которыми обновился и их язык, их терминологическая рамка. Все эти процессы настигли и отечественную историческую науку, которая в известный момент переживала глубочайший кризис советской модели историописания. Между тем термин «эго-документы» приживался трудно, а часть авторов даже до сегодняшнего дня продолжали рассматривать его как маргинальный. Это при том, что к 1980-м гг. в советской историографии окончательно утвердился термин «источники личного происхождения». Они были вписаны в видовую типологизацию исторических источников, казавшуюся тогда – а многим и сегодня кажущуюся – оптимально соответствующей цели системного осмысления материальной и духовной культуры. Поэтому неудивительно, что среди отечественных историков большинство восприняло появление термина «эго-документ» как нарушение отечественной традиции классификации источников и прежде всего покушение на понятие «источники личного происхождения». В то же время авторы работы «Источни-

коведение новейшей истории России: теория, методология и практика» едва ли не впервые в России рискнули упомянуть на уровне учебника термины «я-документ» и «эго-документ»¹. Можно согласиться и с таким синтезом исследователя: источники личного происхождения всегда несколько выбивались по критериям своей идентификации из ряда всех остальных источников. В иерархии свидетельств прошлого они всегда занимали последнее или близкое к последнему место, поскольку рассматривались не иначе, как вспомогательные, дополнительные и, по сути, вторичные. Вторичность же источников личного происхождения традиционно обосновывалась ссылкой на их субъективность, которая воспринималась не иначе как изъян. И в данной связи Н.В. Суржикова полагает, что использование термина «эго-документы» помогло бы снять проблему неполноценности источников личного происхождения, не просто их реабилитируя, но и выводя на новый уровень исследования писем, дневников, воспоминаний и целого ряда документов пограничных жанров. Вместе с тем все это отнюдь не свидетельствует в пользу безоговорочного употребления термина «эго-документ». Думается, что западная и российская традиции идентификации источников вполне могут существовать параллельно, и совсем не потому, что общая – антропологическая – природа любого свидетельства прошлого не отменяема. Маркировки «эго-документы» и «источники личного происхождения» могут мирно уживаться потому, что их использование – вопрос ситуации. В процессе «внутрицеховой» коммуникации, для внутреннего пользования историков, как представляется, конструкция «источники личного происхождения» остается вполне пригодной, рабочей. Если же речь идет о практике междисциплинарных исследований историко-антропологического свойства, то логично использовать порожденные этой практикой языки описания, методы и пр.

Таким образом, резюмирует исследователь, из плоскости «мода или необходимость?» проблема эго-терминологии перетекает в нечто принципиально иное. В корне ее состоит вопрос о необходимости определить, что для нас важнее всего в источниках эго-жанра – беспрецедентное личное или социально-типическое? И если радикальный постмодернизм требует от нас остановить свой выбор на первом, то более традиционные исследовательские стратегии – безусловно, на втором. Отказавшись же от любой конфронтационной риторики, можно сказать, что эго-источники – это замечательное решение проблемы фокусной точки гуманитарных исследований, поскольку они экспонируют и мир отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные «параметры» (Мы), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых

разных социальных «пород» – от уникальных до статистических.

Рецензируемая книга имеет стройную структуру. Она включает в себя два больших раздела: 1) исследования; 2) источники. Причем оба раздела скомпонованы так, что материалы, размещенные в них, демонстрируют прежде всего современный уровень усвоения эго-документальной теории. Композиция сборника, предложенная его создателями, ориентирована на проблематизацию концепта «эго-документ», рационализацию многообразия так называемых само-свидетельств и – в конце концов – на динамизацию соответствующих научных изысканий.

В первом разделе наибольший интерес (по нашей оценке.– Г.И., Т.Ф.) представляют исследования общетеоретического характера. В статье Ю.Л. Троицкого (Москва) «Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка» определяется инструментарий историка, когда он имеет дело с эго-документами. Исследователь при этом уделяет основное внимание такому эго-документу, как личные дневники. Человек не равен самому себе в различные временные отрезки, и перечитывание своих прошлых записей позволяет «путешествовать» в собственное прошлое. В этой связи при анализе дневниковых текстов важна фиксация автором моментов перечитывания своих записей, также как и учет интенсивности самого процесса перечитывания, – утверждает ученый. Оригинальны, с точки зрения рецензентов, и такие размышления исследователя. Личный дневник, как правило, содержит три основные тематические линии: 1. Фиксирование и описание внешних событий, свидетелем которых стал автор дневника: дорожных впечатлений, различных коллизий и происшествий, разговоров и сплетен. 2. Описание «внутренних» событий – пришедших идей, душевных состояний, мечтаний, переживаний своих отношений с близкими людьми и прочее. 3. Прямые обращения к самому себе с целью самоизмениться. В этой ипостаси дневник превращает автокоммуникацию в программу собственных будущих действий (подчеркнуто рецензентами. – Г.И., Т.Ф.).

Очень сложную, исключительно дискуссионную проблему раскрыла в своем материале М.Ф. Румянцева (Москва) – эго-история и эго-источники: соотношение понятий. Она, рассуждая по поводу дефиниции «эго-история», задается вопросом: что такое эго-история – каков ее статус в пространстве интеллектуальной истории, под которой – в широком смысле – мы понимаем изучение рефлексивного / осмысленного отношения человека к миру? И предлагает следующие ответы: эго-история – социокультурная практика индивидуального формирования собственной идентичности; эго-история – одна из

практик историописания; эго-история – предметное поле актуального исторического знания. Но все эти ответы исследовательница облекает в форму вопросов, оговариваясь при этом, что все ипостаси, перечисленные выше, присутствуют в эго-истории, причем в сложных сочетаниях и взаимодействиях. Однако для выбора оптимальных стратегий эго-истории их необходимо аналитически дифференцировать. В итоге М.В. Румянцева приходит к оригинальным обобщениям. Для нее эго-история – это, с одной стороны, социокультурная практика формирования индивидуальной исторической памяти в условиях выхода из кризиса идентичности, связанного с ситуацией постмодерна, базовой характеристикой которой является кризис доверия к историческому метарассказу, а адекватным направлением исторического знания – микроистория. С другой стороны, изучение этой социокультурной практики в ее исторической ретроспективе и составляет предмет эго-истории как предметного поля исторического знания. Размышляя о дефиниции «эго-источники», исследовательница, исходя из того, что в литературе встречаются понятия «эго-источники» / «эго-документы», констатирует: оно пока не вошло в систему видовой классификации, а является собирательным понятием, синонимичным более громоздкому, но и более точному «источники эго-истории». Кроме того, автор считает, что говорить об эго-источниках в строгом смысле слова можно только начиная с последних десятилетий XX в., со времени возникновения устной истории. В плане постановки проблемы ученая утверждает, что в перспективе стоит обратить внимание еще на одну группу исторических источников, принадлежащих к иному, нежели письменные, типу, пока еще слабо освоенному источниковедением, – Internet-ресурсы, типология которых также нуждается в разработке. Вот и появилось небезынтересное дискуссионное поле для историков.

Н.Н. Алеврас (Челябинск) наметила контуры к обсуждению проблемы историографического текста как эго-документа. Она пишет, что устоявшаяся в отечественной науке теория и практика понимания природы источника может вызвать определенное противоречие и даже конфликт подходов при безоговорочной попытке применить термин «эго-документ» к группе источников личного происхождения, если бы мы желали сохранить верность принципам видовой классификации источников. Есть ли выход из этой ситуации? По Н.Н. Алеврас, выход здесь заключается в следующем: две традиции идентификации источника вполне могут существовать параллельно, более того, сосуществовать, обогащая друг друга теоретическими идеями, источниковедческими и историографическими практиками. Залогом взаимодействия

разных моделей подходов является общая – антропологическая – природа любого источника/свидетельства. Ведь так или иначе, в той или другой степени, намеренно или ненамеренно каждый источник является носителем «свидетельств о себе».

М.А. Литовская (Екатеринбург) осветила следующую тему: «Жанр документальной истории семьи как эго-документ: проблема имплицитного читателя». Она пишет, что семейная история – неотъемлемая часть существования любой семьи, не только воспроизводящая в определенной последовательности значительные события из жизни ныне живущих ее членов и их предков, но также формирующая семейную мифологию, выступающая скрепой, которая обеспечивает семейную идентичность. При этом у отдельных членов семьи возникает соблазн закрепить свою версию истории, записав ее и представив как целое. Большая часть таких текстов пишется для себя и/или для потомков и за пределы семьи не выходит. Куда более редким является случай, когда человек не только сознательно письменно выстраивает семейную историю, но предлагает несколько ее вариантов, часть которых предназначается для публичного ознакомления. В итоге возникает своеобразный жанр документальной истории семьи. В нем, в частности, формула семейного мифа вырастает из повторяющихся компонентов семейной истории: в судьбах членов семьи выделяются определенные действия, подтверждающие определенное семейное качество. Особенно же следует обратить внимание на такое обобщение исследователя: семейная история, очевидно, выполняет функцию побуждения: читатель, увлекшись восстановленной чужой историей, должен, по идее, заняться восстановлением своей собственной, чтобы в итоге подобные частные истории выполнили функции вспомогательного материала для восстановления полнокровной истории России.

Кроме того, что в первом разделе рецензируемой книги размещены материалы общетеоретического характера по исследуемой проблеме, имеются также статьи, где авторы предпринимают попытку осветить отдельные общетеоретические аспекты темы, которой посвящен изданный научный труд, при анализе конкретных исторических событий.

О.С. Поршнева (Екатеринбург) рассуждает о репрезентации вооруженного противостояния в условиях Гражданской войны в воспоминаниях рабочих/большевиков Урала. Ученая считает, что при изучении воспоминаний рабочих-участников революции и Гражданской войны следует учитывать наиболее важные достижения современных антропологически-ориентированных направлений историографии, источниковедения, а также смежных социально-гуманитарных

дисциплин. Среди них для анализа воспоминаний особую значимость имеют подходы новой политической и новой культурной истории, которые обращают исследователей к изучению политической культуры и политических практик участников исторических процессов. О.С. Поршнева дает такую методологическую посылку: использование опубликованных в советское время и собранных Истпартом, хранящихся в архивах мемуаров большевиков и рабочих, 102 участников Гражданской войны, требует особого подхода. Ведь эти эго-документы до предела тенденциозны. Помимо этого, данные эго-документы были своеобразным результатом индоктринации сознания рабочих, усвоивших стереотипы и клише большевистской пропаганды, усилившей их склонность делить мир на «своих» и «чужих». С такой методологической посылкой можно, конечно, дискутировать, но вряд ли можно с ней в конечном итоге не согласиться. Автор статьи, применяя метод дискурсивного анализа к исследованию воспоминаний и других источников личного происхождения, интерпретирует текст и его компоненты как репрезентации социальных отношений и социокультурных практик, включающие трактовку того или иного словупотребления, реконструкцию процессов легитимации смысловых структур. Мемуары рабочих, большинство из которых стали впоследствии большевиками, свидетельствуют, что в ходе развития ситуации весной-летом 1918 г. им пришлось делать личностный выбор, определяя, на какую сторону баррикад им встать и на что они готовы в этой борьбе. Позднее они вспоминали, какие события дали импульс к принятию судьбоносного решения.

Рецензентам представляются заслуживающими повышенного внимания исследователей следующие резюмирующие суждения ученой: воспоминания уральских рабочих-участников Гражданской войны и другие документы свидетельствуют о целенаправленном формировании большевистской властью в сознании рабочих образа справедливой, «священной» борьбы за светлое будущее, легитимирующего классовое насилие. Он включал в качестве основополагающего образа врага – противника большевиков в его различных репрезентациях, что нашло отражение в последующих, раньше или позже созданных текстах воспоминаний. На всем протяжении советской истории не произошло коренной ревизии представлений о целях, характере противостояния, противниках большевиков в годы Гражданской войны, поэтому оценки и представления, зафиксированные в воспоминаниях 1920-1930-х гг., сохранились в несколько смягченном виде в последующие годы. Несмотря на трафаретный во многом характер изложения, мемуары рабочих-большевиков содержат значимый для исследователя

материал: символы и коды (языковые клише), а также индивидуальные описания, в которых фиксировались восприятие и оценка событий их рядовыми или влиятельными участниками. Интерпретация языка воспоминаний позволяет увидеть за символическими структурами текстов проявления существенных свойств политической культуры рабочих и их социального поведения в условиях Гражданской войны.

Если вести речь о втором разделе рецензируемого сборника, то следует подчеркнуть, что авторы статей дают в них главным образом источниковедческий анализ эго-документов в интересах конкретной проблемы: «Мы не артиллерия, не кавалерия, не пехота, а мы «гвардейская конная артиллерия»»: из воспоминаний вольноопределяющегося Г.А. Римского-Корсакова (*П.А. Пахалюк (Москва)*); Первая мировая война в воспоминаниях Василия Журавлева (*Лобанов Д.А., Ощепков Л.Г. (Пермь)*, *Суржикова Н.В. (Екатеринбург)*); Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика (*Кимерлинг А.С. (Пермь)*) и др. Их характерная черта – добротная археографическая обработка документов, вводимых исследователями в научный оборот.

Таким образом, все материалы, вошедшие в рецензируемое научное издание, отличаются оригинальностью, дискуссионностью. Причем авторы никоим образом не декларируют истин в последней инстанции.

В то же время хотелось бы высказать соображения, которые можно рассматривать как повод для научных дискуссий или как советы авторам данного коллективного научного труда:

1. Непонятно, почему в числе ученых, вынесших на суд научной общественности свои суждения в рамках рецензируемого научного труда, не нашлось места специалисту по общетеоретическим проблемам исследования исторических персоналий, в частности, по такой важной ее составляющей, как анализ эго-документов. Он здесь имеет много специфических особенностей, на что обращалось внимание в современной отечественной историографии². Как, например, в биографической истории, которая, естественно, имеет в источниковой составляющей базы исследования большое количество эго-документов, локализовать опасности, о которых писал в свое время «отец психоанализа» З. Фрейд³?

2. Специфика «эго-документов», по идее, предполагает также привлечение специалистов в области философии науки. Дело в том, что объективность «эго-документов» – понятие весьма относительное. В свое время Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате»⁴ попытался свести объективное знание к теоретически нейтральным «атомарным суждениям опыта». Последнее, однако, оказалось заведомо невозможным, о чем повествуется в исследовании «Кочерга Витгенштейна»⁵. Данная работа

посвящена ретроспективному анализу единственной личной встречи двух классиков философии науки – Людвига Витгенштейна и Карла Поппера, которая произошла в 1946 году на семинаре, проводимом Л. Витгенштейном в Оксфордском университете. Парадокс заключался в том, что присутствовавшие на данном семинаре студенты – будущие философы науки – в своих воспоминаниях не могли дать однозначного, «теоретически нейтрального» описания данного локального события. Примечательно, что авторы исследования связались и с теми участниками семинара, которые не оставили своих воспоминаний об этом событии, попросив их изложить свою версию встречи Л. Витгенштейна и К. Поппера. Но и они не прояснили суть означенного события, просто добавив новые составляющие в разнообразие сформулированных участниками события трактовок.

Суммируем сказанное. В чем принципиальное различие между «эго-документами» и мифологическо-религиозными источниками? Только в том, что «эго-документы» остаются в поле исторического типа мировоззрения современной им эпохи. Вместе с тем все прочие особенности мифологическо-религиозных текстов, а именно: субъективизм, гиперболизация и классовая ангажированность, здесь остаются практически в неизменном виде. Переходя из области философии науки в совершенно иную область криминалистики, можно вспомнить парадоксальное изречение: «Врет как очевидец». Если очевидцы какого-либо события согласованно пересказывают единственную его версию, значит, они лгут, потому что сговорились. Реальные (не сговорившиеся) очевидцы будут излагать противоречащие друг другу, несовпадающие версии события. Криминалист, отталкиваясь от этих субъективных свидетельств, должен синтезировать свою версию события, которая должна быть максимально приближена к объективной реальности. Иначе говоря, «эго-документы» в их локальности представляют собой только материал, исходное сырье для осуществления процесса познания, а вовсе не какую-то равнозначную альтернативу «официальной истории». Последняя, в свою очередь, есть результат стечения обстоятельств, закрепивших соответствующие «эго-документы» в структуре сложившейся исторической традиции. Аналогичным образом из множества евангелий, написанных в первые столетия существования христианства, официальными версиями изложения истории Христа стали только четыре. Суммируя сказанное, следует констатировать, что «эго-документы» обладают преимущественно статистической, но отнюдь не фактологической исторической значимостью.

3. Следует также учитывать специфику психологических особенностей человеческой

памяти, существенно релятивизирующих познавательную ценность «эго-документов», в частности, неопределенность и изменчивость прошлого⁶, проистекающую из замещения утраченных фрагментов реальных событий, закрепленных в памяти, фантомными конструкциями гипотетического характера, по большей части бессознательно структурируемыми индивидом с целью восполнения лакун прошлого, безвозвратно потерянных вследствие процесса забывания.

В отличие от официальной истории, жестко закрепленной в соответствующей национальной-культурной традиции, физическая память составителя «эго-источника» весьма относительна, вследствие чего ее содержание кардинально меняется в зависимости от непредсказуемого для индивида дрейфа «нулевой точки» настоящего. По этой причине «эго-источники», с одной стороны, представляют собой важный информационный ресурс для кардинального переосмысления официальной истории, но, с другой стороны, в отрыве от целостной историко-софской и идеологической концепции их ценность стремится к нулю.

4. Текстологический анализ материалов этого сборника показывает, что авторы не высказали личностного отношения к концептуальным построениям постмодернистов. А надо бы, ибо ситуация постмодерна имеет место в современной отечественной историографии.

Естественно, что подобные замечания не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой книги. Их нельзя классифицировать в качестве системных недостатков, снижающих уровень научных результатов, полученных авторами настоящего добротного коллективного научного труда. Думается, историки, историографы, источниковеды, да и философы, культурологи, филологи могут почерпнуть здесь много для себя полезной информации. Есть тут и о чем поспорить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

² *Ипполитов Г.М.* Как трудно избежать соблазна биографию писать, или Размышления о некоторых теоретико-методологических основах исследования исторических персоналий // Клио. Журнал для ученых. 2011. №6. С.143-149.

³ З. Фрейд, отговаривая писателя А. Цвейга от замысла написать его биографию, выдвинул оригинальные аргументы. Великий мыслитель писал, что он слишком любит А. Цвейга, чтобы разрешить написать ему свою биографию. «Кто становится биографом, принуждает себя ко лжи, к утайкам, мошенничеству, укрывательству и даже маскировке своего исполнения. Правды в биографии достичь невозможно (подчеркнуто рецензентами. – Г.И., Т.Ф.), а если бы мож-

но было, то с такой правдой было бы нечего делать за ее непристойностью. Правда не пользуется спросом, люди не заслуживают ее» (*Freud S. Arnold Zweig Briefwechsel. Frankfurt-am Meine, 1968. S.137.*)

⁴ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994. С.1-73.

⁵ *Эдмондс Д., Айдиноу Д.* Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 352 с.

⁶ *Филатов Т.В.* Неопределенность и изменчивость прошлого // *Философия культуры*'96. Самара, 1996. С.52-70.

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Поволжского
филиала Института российской истории
Российской академии наук
Г.М. Ипполитов*

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики
Т.В. Филатов*